

УДК 94(47).031"12"

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.29-55

**ЦЕРКОВНАЯ ИЕРАРХИЯ И ЦЕРКОВНО-ОРДЫНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО
ВТОРЖЕНИЯ 1237–1240 ГГ. В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ**

Т.Р. Галимов

*Казанский государственный архитектурно-строительный университет
420043, Казань, Российская Федерация
E-mail: galimov_t_r@mail.ru*

Цель: В предлагаемом исследовании предпринят анализ деятельности церкви в лице её высших иерархов в период наиболее активной фазы русско-ордынского противостояния (1237–1240 гг.).

Материалы исследования: Основным источником информации о деятельности церковной иерархии в обстоятельствах военно-политического противостояния русских княжеств и Орды остаются древнерусские летописи, повести и слова. Как показали исследования последних лет, предложенный в них комплекс сюжетов, рисующих противостояние завоевателям, не так однозначен, как это было принято считать в отечественной исторической науке на протяжении многих десятилетий. Данное обстоятельство открывает возможность нового прочтения сообщений о церковной жизни Руси в наиболее острый период русско-ордынской войны.

Результаты и научная новизна: События 1237–1240 годов привели к принципиальному изменению существовавшего на Руси положения дел. Это касалось не только властных, но и церковных институтов. Результаты данного исследования позволяют утверждать, что основной причиной изменений в социально-политической и экономической сферах древнерусской церковной организации, стало поведение церковных иерархов. Оно выразилось в принятии церковью господства Орды над Русью, а последовавшие за этим ордынские льготы и пожалования лишь укрепили лояльность высшего духовенства к власти ханов. Данное обстоятельство потребовало от церкви декларации её позиции в отношении новых властей. В итоге, необходимость принятия сложившихся церковно-ордынских отношений нашла своё обоснование в концепции «Казней Божиих». Такое идейное обоснование постигших Русь бед снимало ответственность с завоевателей и оправдывало церковно-ордынские контакты. Древнерусские источники не дают прямых оценок поведению епископата. Но при прочтении летописных сообщений создаётся впечатление, что в глазах современников такое поведение церкви оценивалось весьма неоднозначно и, скорее всего, предосудительно.

Ключевые слова: Церковно-ордынские отношения, иерархи Древней Руси, битва на Калке, нашествие Батыя на Русь, епископ владимирский Митрофан, епископ черниговский Порфирий, епископ ростовский Кирилл, история Русской церкви.

Для цитирования: Галимов Т.Р. Церковная иерархия и церковно-ордынские отношения в период татаро-монгольского вторжения 1237–1240 гг. в оценках современников // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 29–55. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.29-55

Историческая реконструкция церковно-ордынских отношений в значительной мере может быть осуществлена на основе того, как эти связи оцени-

вались современниками. Приходится признать, что восприятие различными слоями Древней Руси своего рода диалога, сформировавшегося между Русской Церковью и Ордой во второй половине XIII – XIV вв., остаётся малоизученным. Выявление и анализ таких оценок позволил бы не только разобраться в поведении церкви в кризисных условиях конца эпохи, лучше осознать действия татаро-монгольской администрации, но и приблизиться к пониманию системы смысловых координат древнерусского человека¹.

Круг источников, позволяющих выявить оценки русско-ордынских связей современниками и потомками тех событий, не столь значителен. К тому же и имеющиеся письменные свидетельства немногословны. Аналогичная ситуация присутствует и при рассмотрении церковно-ордынских отношений. Такое молчание или предельная осторожность летописцев и агиографов в суждениях о происходившем в жизни церкви в период господства Орды видятся странными. В итоге требует своего объяснения не замеченная в большинстве памятников эпохи роль церкви и её священной иерархии в жизни Руси и в военно-политических процессах, сопровождавших русско-ордынскую войну и последовавшие за ней события на покоренных степной империей территориях. Сложившаяся ситуация разительно отличается от той, что присутствует в отношении западноевропейских источников. При всем том ужасе, который испытали европейцы во время походов, предпринятых внуками Чингиз-хана в 1241–1242 гг., татаро-монгольское вторжение для Европы оказалось хоть и трагичным², но кратковременным эпизодом, чего нельзя сказать о Руси и месте ордынцев в её истории. Тем не менее, в многочисленных латинских источниках роль Римской церкви в лице её иерархии и её отношение к пришедшим с Востока захватчикам прослеживаются несопоставимо лучше и рельефней³, чем деятельность русского священноначалия в древнерусских литературных памятниках того времени. В результате при работе с древнерусскими текстами «кричащим» видится уже само их немногословие или же молчание.

Летописи, повести и слова. Важнейшим источником по истории церковно-ордынских отношений должно быть признано русское летописание. Данная группа известий в общей хронологии событий распределена неравномерно, обладая такой же неравномерностью объёма сообщаемой информации. Дело осложняется ещё и тем, что русские летописи по-разному излагают и интерпретируют анализируемые в данном исследовании события.

¹ Термин, использованный в работе Рудакова, целесообразно применить и в данной ситуации относительно церковно-ордынских отношений [62, с. 174].

² Походы татаро-монголов, совершенные на Польшу, Моравию, Венгрию, Чехию, Боснию, Сербию и Болгарию, хоть и принесли многочисленные беды местному населению, но никак не отразились на государственном устройстве этих держав. См. подр.: [75, с. 108–109; 84, с. 215–230]. Разбор татаро-монгольского похода в Европу см. подр.: [51, с. 163–164, 169; 53, с. 222; 52, с. 216].

³ Данная особенность западноевропейских источников лучше всего обнаруживается в сохранившихся письмах и в восточноевропейских хрониках того времени, значительно лучше и подробнее описавших вторжение татаро-монгольских Орд. Стараниями авторов текстов запечатлены не только действия захватчиков, но и детально прописаны усилия по отражению агрессии «татар». Наиболее интересна в этом отношении переписка знатных лиц с Римским Престолом. Перевод и подробный источниковедческий разбор данной группы эпистолярных памятников см.: [78].

При этом число сюжетов, связанных с деятельностью русской церкви или в которых присутствует хоть какое-то упоминание о ней применительно к событиям первых 70 лет татаро-монгольского господства, невелико. Наиболее отчетливо идентифицируются следующие группы сообщений:

1. Битва на Калке;
2. Нашествие Батыя на Русь (падение Владимира, Рязани, Москвы, Суздаля, Переяславля, Чернигова);
3. Образ «погибшей» Руси.

Битва на Калке. Известие о первом боевом столкновении татаро-монголов с русскими князьями присутствует практически во всех древнерусских летописях [57, стб. 445–446; 58, стб. 744, 745; 59, л. 143–145 об.]. Появление этой хорошо изученной записи большинством исследователей относится к 80-м годам XIII в.⁴ Однако в её основе лежат воспоминания и тексты значительно более раннего происхождения. О том, насколько значимо было произошедшее в 1223 г. боевое столкновение русских и татаро-монголов, завершившееся полным разгромом объединённых русских дружин и избиением стоявших во главе них князей, можно судить уже на основании того, что известия об этой военной трагедии вошло и в некоторые западноевропейские хроники и письма [78]. Между тем взгляды древнерусских летописцев на причины, приведшие к трагедии, ход сражения и его последствия обладают существенными различиями. Наиболее наглядно данное обстоятельство прослеживается в известиях, изложенных в трех важнейших и старейших летописях: Лаврентьевской, Новгородской Первой и Галицко-волынской⁵.

Практически все древнерусские книжники смотрели на произошедшее через призму «казней Божиих» [62, с. 34–44; 74, с. 91–92; 32, с. 22–23; 4, с. 296]. Однако причины и истоки постигших Русь бедствий виделись во Владимире⁶, в Новгороде⁷ и на Волини⁸ по-разному. Не менее примечательно

⁴ О датировке битвы на Калке см. подробнее: [3, с. 106–107, 264–268; 8, с. 11–34; 68, с. 218; 26, с. 10; 82, с. 521; 24, с. 484–488, 618–620]. О трудностях датировки и об особом предпочтении указания пятницы, как дня битвы см.: [13, с. 234]. Об авторстве и датировке летописного известия, а также о месте его создания (ростовская версия) см.: [63, с. 141; 5, с. 346–347; 42, с. 66; 43, с. 34]. О рязанском происхождении первоначального текста известия о битве на Калке см.: [28, с. 75–77]. О наиболее раннем происхождении текста (1223–1228 гг.) и об историографии вопроса см.: [39, с. 18–20, 22–23; 18, с. 432–434].

⁵ Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку: «... много бо зла створиша ти вкнании Половци Рускои земли. того ради всемлѣтвѣи Бѣ хотѣ погубити. и наказати безбожныѣ сѣны Измаиловы Куманы. яко да ѿмьстятъ кровь хрѣсьаньску...» [57, стб. 445–446]. Галицко-волынская летопись: «...Данилови же избивающи ихъ своимъ полкомъ. И Сѣлгови Коурьскомоу крѣпко бившимся. инѣмъ полкомъ. сразившимся с ними грѣхъ ради нашихъ. <...> Татаромъ же побѣдившимъ Роусьскыѣ княза. за прегрешение крѣтнское пришедшимъ. и дошедшимъ до Новагорода. Сѣполчского. не вѣдающимъ же Роуси лъсти ихъ. исходахоу противоу имъ со крѣты. вни же избиша ихъ всихъ. Ожидал Бѣ покаѣниѣ крѣтъаньскаго и вбрати и воспатъ на землю восточноюу и воеваша землю Таногустьскоу и на ины страны.» [58, стб. 744, 745]. Новгородская Первая летопись: «Томъ же лете по грехамъ нашимъ, придоша языци незнаемы... Того ради всемилостивый Богъ хотя погубити безбожные сыны Измаиловы Куманы, яко да отомстятъ кровь крѣтъаньскую... И тако за грехи наша Богъ вложи недоуменье въ нас, и погибе много бещисла людей; и бысть вопль и плач и печаль по городом и по сѣломъ» [59, л. 143].

⁶ Главным мотивом прихода татаро-монгольских завоевателей в 1223 год для Суздальской летописи служило божественное наказание половцев за «кровь христианскую». Одна-

ещё одно обстоятельство. Казалось бы, известия о смерти представителей правящего рода и о практически полном разгроме объединённых сил Руси должны были содержать и описания церковного участия в разразившейся драме. По крайней мере, история домонгольской Руси содержит значительное число примеров того, как церковь напутствует, сопровождает и провожает в последний путь своих князей⁹. Однако в комплексе сюжетов, посвященных

ко, сообщая о походе князей и извещая о мотивах их поступка, летописец, человек, несомненно, церковный, не симпатизировал и не поддерживал намерение руководителей объединённых дружин вступить в бой. По мнению автора текста, действия дружин выражали недоверие божественному промыслу. Отмстителем за преступления степных орд должен был стать Господь: «всемлѣтвѣи Бѣ хотя погубити . и наказати безбожныѣ сѣи Измаиловы Куманы . аѣко да ѿмьстятъ кровь хрсѣаньску» [57, стб. 446]. И вина за это непонимание, по мнению летописца, всецело лежит на князьях. Именно их действия послужили причиной новых угроз со стоны Степи: «[Татары] придоша близь Руси. идеже зоветься валь Половечьскыи. и слышавше аѣ Русстии князи... здумаха итии на на . мнѣше аѣко ти пойдутъ к нимъ» [57, стб. 446]. Вероятно, летописец счел действия князей неправильными. Тем более, что дружины вступились за тех, против кого была направлена карающая рука Господа, коей и являлись «татары». Жертва русских воинов была напрасной. По всей видимости, летописец горевал по поводу смерти участников похода: Мстислава Киевского и других его соратников, а также большого числа бояр. Однако не менее искренней была и радость о спасении Галицкого князя Василька Константиновича, не участвовавшего в этой битве: «Се же слышавъ Василко . приключьшееся в Руси . възвратиса ѿ Чернигова сохраненъ Бѣмъ и силою крѣста чѣтнаго . и млѣвою ѿца своего Костантина . и стрѣяе своего Георгия . и вниде в свои Ростовъ слава Бѣ и стѣю Бѣю» [57, стб. 447].

⁷ Описание событий 1223 г. в Новгородском летописании, в отличие от записей Владимира, более расширено. С одной стороны, по мнению новгородцев, вступившись за половцев, дружины стремились пресечь нависшую над Русью угрозу, а с другой стороны, явили гордую самонадеянность: «И тако думавше много о себе, и яша по путь и поклону деля и молбы князей половецких». Ситуация усугублялась «избиением» татарских послов, пришедших предупредить об отсутствии злого замысла в отношении Руси. По сути, князья отвергли и второе посольство. В итоге главной причиной неудачи, постигшей русских князей и совместный русско-половецкий союз, стали трусость и предательство половцев, а также измена воевод. Бежавшие с поля боя половцы, смели на своём пути стоявшие в тылу русские дружины [59, л. 145–л. 145 об.].

⁸ Иначе данный сюжет интерпретировало Галицко-Волынское летописание, автором которого, вероятно, было мирское лицо. В рассказе отсутствуют какие-либо слова о божественном вмешательстве и о небесных карах. Отсутствуют и упрёки в адрес половцев. Содержание летописной записи оказалось не столь категоричным и в оценках битвы. По мнению автора записи, разыгравшаяся на берегах Калки трагедия стала результатом неудавшегося, но необходимого превентивного удара князей против возможного агрессора: «бывшую же свѣтоу. всихъ князѣи. во градѣ Къевѣ. створиша свѣтъ сице. лоуче ны бы есть приати аѣ на чюжеи землѣ. нежели на своеи.» [58, стб. 743]. Галицко-Волынская версия примечательна ещё и тем, что в ней отсутствуют какие-либо уничижительные слова в отношении князей, а образ Даниила Романовича приобрел эпические черты. Именно этим она разнится с новгородским и суздальским версиями описания событий 1223 г. [58, стб. 743–744].

⁹ Под 1101 г. Суздальская летопись извещает: «Заратиса Ярослав . Ярополчичь Берестыи и иде на нь Стѣполкъ . и заста и в градѣ . и смѣ и . и ѿкова и приведе и Къеву и молиѣ ѿ немъ митрополитъ . и игумени . и оумолиша Стѣполка . и заводиша и оу раку . стѣю Бориса и Глѣба. и снаша с него ѿковы . и пустиша и Томъж лѣт . совокупишася вса брагѣ . Стѣполкъ. Володимерь . и Дѣвдъ . и Глѣгъ . Ярославъ брагѣ ею . на Золотычи . и прислаша Половци слы ѿ всѣхъ князии . ко всеи брагѣи просаще мира . и рѣша имъ Русскыи князи . да аще хочете мира . да совокупимся оу Сакова . и послаша по Половцѣ . и снашася оу Сакова . и створиша миръ с Половци . и поаша тали межи собою . мѣца . сем . въ . еї . днѣ . и разидошася разнѣ» [57, стб. 275]. Не менее интересна запись 1103 года:

первому татаро-монгольскому вторжению на Русь, когда, казалось бы, деятельность иерархов, духовенства и монашества должна была хоть как-то проявиться, участие пастырей и святителей в событиях того года в отечественных источниках никак не обозначено.

Как уже было отмечено, описания событий 1223 г. разительно отличаются от того, как представлялись подобные же столкновения в домонгольском летописании. Во всех упоминаемых известиях, описывающих боевые действия против половцев или междоусобные столкновения, князья и горожане, по рассказам летописцев, прибегали к небесной помощи. Подобным образом, судя по записи южнорусского летописца, поступили в 1223–1224 гг. и жители городов, обреченных татарами на гибель. Правда, примечательно, что летописание не упоминает названий поселений и городков. Более того, данный сюжет, хоть и касался пограничных крепостей северо-восточной Руси, однако присутствует не в Лаврентьевском и Новгородском летописании, что было бы логично, а лишь в Галицко-Волынском летописании. Не менее интересно и то, что летописная оценка мольбы и судьбы обреченных горожан разительно отличается от того, как подобные воздыхания интерпретировались в записях более раннего периода. На этот раз, в отличие от описания похода 1111 г. Владимира Мономаха на половцев [58, стб. 265–268] и сообщений о событии 1170 года (поход суздальцев на Новгород)¹⁰, усилия осажденных в 1223 г.

«Русский же князи и вои вси молахуть Ба и вбѣты вздааху Бу. и Мѣри его. вѣв кутью. вѣв же млстнею оубогым. Инии же манастырем требованья. и сице молачимса. поидоша Половци. и послаша пред собою [в] сторожь» [57, стб. 278].

¹⁰ В 1170 г. объединенные силы владимирского, смоленского, рязанского, муромского и полоцкого княжеств осадили Новгород. Оборонявшиеся новгородцы сумели сдержать натиск превосходящих сил и на четвертый день осады отразили приступ. Судя по суздальскому летописцу, заслуга в торжестве справедливости над междоусобным разложением и предательством древних устоев полностью принадлежит Богу: «слышахом бо прежд трии лѣт . бывшее знаменье Новѣгородѣ всѣм людемъ выдашимъ . в трех бо црквахъ Новгородскихъ . плакала на трех иконахъ стаа Бѣа . провидѣвши бо мѣи Бжїае пагубу хотащюю быти . надъ Новымъгородом и надъ его волостью . молашеть сна своего со слезамі . дабы ихъ втинудъ неискоренилъ . аекож преже . Содома и Гомора . но аеко Ниневгитаны помилуеть . аекож и быс . вчивѣсто бо Бѣ и мѣи Бїае . избави ае млстью своею . занехрѣане суть . наказае накажи ма реч Гси . а смрти не предаж мене . глѣ Двѣд . тако и сиае люді Новгородскихъае наказа Бѣ . и смѣри ае дозѣла . за преступленье . А крѣтное . и за гордость ихъ наведе на нѣ . и млстью своею избави град ихъ . не глѣм же прави суть Новгородци . аеко издавна суть свобожени Новгородци . прадѣды князь нашихъ . но аще бы тако было то велѣли ли имъ преднии князи крѣсть преступити . или внуки . или правнуки . соромлати . а крѣсть чѣстныи цѣловавшие . ко внукомъ ихъ . и к правнукомъ . то преступати . то доколѣ Бгви терпѣти над нами . за грѣхы навель . и наказаль по достоаенью . рукою блговѣрнаго княза Андрѣае.» [57, стб. 362]. В Новгородской летописи под этим годом содержится более конкретное указание на виновников Божественной помощи – новгородцев, «благоверного владыки» Илии и епископа Тарасия, возносивших свои молитвы к Богородице [59, л. 36 об.–л. 37]. Впоследствии данному событию придали более яркие черты и представили в отдельном сказании – «Слове о знамении святыя богородица в лето 6777-е». Явленное же в дни осады новгородцам и суздальцам чудо запечатлелось в иконописном образе «Богоматерь Знамение». Подробнее о «Сказании о битве новгородцев с суздальцами» и о чтимой чудотворной иконе см.: [27, с. 126–128; 79, с. 129–130; 83, с. 120–123, 151–154; 40, с. 263–264; 60, с. 239–240, 296; 34, с. 63–64 [ил. 51], 152 [ил. 103]; 19, с. 95–148, 281–284].

татаро-монголами мирных горожан, поддавшихся «татарской лести»¹¹, оказались напрасными. Более того, текст позволяет заключить, что, подчеркивая напрасное обращение горожан к силе священных реликвий, Бог ожидал от несчастных не молитвенной помощи о небесном заступничестве в битве с врагом, а иного: «Ожидал Бѣ покаѣниѣ крѣстьяньскаго» [58, стб. 745].

В итоге, умолчание источников о каком-либо участии церкви в описываемых событиях 1223 г. не случайно и не может быть списано на краткость записей. Отмеченное нуждается в объяснении и, вероятно, вызвано рядом не исключających друг друга причин.

Во-первых, ко времени создания сказания в древнерусском обществе утвердилось представление о царском положении ханов. Поэтому действия ордынской власти не могли быть поставлены под сомнение даже в «исторической» ретроспективе.

Во-вторых, если допустить, что церковь действительно оказалась непричастной к событиям на Калке и ее участникам со стороны русского объединенного войска, что крайне сомнительно, виновниками произошедшего следовало бы считать самих князей, которые не позаботились о церковном напутствии своих дел. Во всяком случае, ни один из участвовавших в битве Рюриковичей не представлен как человек, ищущий божественного заступничества.

В-третьих, умолчание о церковном участии в описываемых событиях могло извиняться и поведением духовенства, его пассивностью.

Однако первое объяснение видится недостаточным, что же касается второго и третьего, то и они не обладают убедительностью. Маловероятность такого развития событий объясняется укорененностью в дружинно-княжеской среде церковных представлений¹². Но даже если допустить, что князья все же оказались равнодушны к церковным молитвам перед грядущей битвой, то крайне сомнительно, чтобы родственники погибших не совершали поминание убитых. Принимая же во внимание ктиторийский характер значительной части храмов и монастырей домонгольского периода, по смерти князя о нем непременно бы совершали заупокойные молитвы. К тому же упоминавшиеся выносы крестов горожанами, встречавших татаро-монголов, также не могли быть совершены без участия духовенства. Таким образом, церковь не была способна избежать своего участия в происходящем. Иное дело, она предпочитала не упоминать даже о возможности своей причастности к актам, имевшим антиордынскую направленность. В итоге предложенные выше объяснения видятся крайне шаткими, и нам приходится иметь дело с текстом, подвергшимся существенной редакторской правке.

Примечательно еще одно обстоятельство. После битвы на Калке летописцы ни разу не отметили возможные последствия произошедшего. Скла-

¹¹ Выбранное автором текста слово «лесть» не случайно. Под лестью, несомненно, подразумевались обман или хитрость [67, с. 68]. В.Н. Рудаков обратил внимание на то, что мотив «татарской лести» неоднократно встречается в Ипатьевской летописи. В итоге исследователь заключил, что такая характеристика прежде всего подчеркивала особо негативное отношение современников к завоевателям. [62, с. 42]. Однако лесть – явление дьявольское, inferнальное. Поэтому, скорее всего, в подобного рода записях вернее видеть не столько негативное отношение к завоевателям, сколько сожаление о неспособности жителей правильно понять происходящее, распознать промысел Божий и принять его.

¹² О значении церкви и её обрядов в жизни военных элит Руси см. подробнее: [50].

дывается ощущение, что после 1223 г. на Руси никто не ожидал повторения трагедии. Такое поведение и умонастроение разительно отличаются от того состояния, в котором находились Папский Престол и правители Грузии, значительно раньше Руси подвергшиеся атаке неведомых орд с Востока¹³. Более того, тогда, когда татаро-монгольская угроза превратилась в реальность, вопросы отношения к Орде не прозвучали и на Владимирском соборе 1274 г.

В итоге, нельзя исключать того, что возникший в 1280 г. текст, легший в основу летописных записей, был существенно сокращен и представляет собой редакцию, призванную предупредить возможные осложнения между церковью и Ордой. Скорее всего, концепция, представляющая выступление князей против завоевателей в качестве неразумного шага, как борьбу против Божественной воли, отражала не только эсхатологические настроения, но и отвечала этикетным нормам времени, не допускавшим критику «царской» власти, а также вполне прагматическим целям церковной политики в отношении Золотой Орды.

Нашествие Батые на Русь. В отличие от летописных сообщений 1223 г., умолчавших о какой-либо реакции церкви на столкновение с татаро-монголами, известия о нашествии 1237–1240 гг. сохранили образы духовенства. Правда, персоны и поступки архипастырей и монашества, а также обстоятельства, при которых эти личности проявлялись, исчезали или по крайней мере были упомянуты, неоднозначны и заслуживают специального анализа.

Наиболее драматичным и едва ли ни ключевым видится летописный сюжет, повествующий о взятии татаро-монголами Владимира. Представленное в летописи сообщение о падении стольного города Северо-Восточной Руси сохранило описание обстоятельств мученической смерти епископа Митрофана¹⁴. Не менее наглядно и эмоционально воссозданы летописцами обстоятельства гибели Москвы и Рязани. Все эти рассказы оканчиваются описанием смерти местного монашества и духовенства, не оказавших какого-либо сопротивления захватчикам. Согласно летописным известиям, все они погибли в огне городского пожара [57, стб. 463]. Столь же поучительной представлена гибель настоятелей владимирских монастырей. Среди принявших смерть значатся архимандрит владимирской обители «Святых Богородицы» Пахомий и игумен Успенского монастыря Даниил, игумен Спасского монастыря Феодосий¹⁵. Большой конкретностью обладает и судьба братии названных обителей. Оставшие-

¹³ О присутствии напряжённого ожидания возможного вторжения можно судить по сообщениям, сохранившимся в переписке грузинской королевы Русудан и грузинского амирспасалара Иванэ с папой Гонорием III [55, с. 124–126; 54, с. 127–129]. Не менее содержательны и интересны некоторые фрагменты латинских хроник, датированных 1223–1225 гг. [76, с. 131–133; 30, с. 133–134; 71, с. 134–135].

¹⁴ Безусловное восприятие епископа Митрофана как деятельного участника обороны Владимира см.: [70, с. 100–101; 17, с. 91]. Сомнения относительно реальности фактов призыва епископа Митрофана к героической обороне Владимира были высказаны в: [7, с. 14–15; 62, с. 79; 6 с. 19]. Мученическая смерть Митрофана была отмечена лишь в древних святцах. Но позднее его имя уже не встречается в списках русских святых. Общерусское почитание святителя было восстановлено в 1982 г. в «Соборе Владимирских святых».

¹⁵ «... оубьень быѣ Пахоми архимандритъ манастыря Ржѣтва стѣ Бѣа да игумень Оуспенскыи . Феодосии Спѣсьскыи.» [57, стб. 463–464]. Почетания их мученичества имело локальный характер и не получило широкой поддержки у полноты русской православной церкви.

ся насельники были уведены «в полон»¹⁶. Подобными же нюансами отмечено в Галицко-Волынском летописании упоминание о смерти переяславского епископа Семииона¹⁷. Не менее интересны образы ростовского епископа Кирилла и черниговского епископа Порфирия. Их судьба оказалась более счастливой. Оба они спаслись. Правда, первый из них, Кирилл, в момент штурма Ростова был в Белоозере¹⁸, второй же, Порфирий, оказался в плену¹⁹.

Между тем не вполне понятно, почему в летописании отсутствуют какие-либо упоминания о деяниях и судьбе иерархов иных кафедр, оказавшихся под ударами ордынцев: Смоленской²⁰, Туровской, Полоцкой и Луцкой [81, с. 49]. Столь же таинственно исчезновение и киевского митрополита²¹. Более того, рассказ о падении «матери городов русских» не упомянул среди защитников Киева ни одного священника или монаха. Создается впечатление, что авторы записей нарочито подчеркивали либо неучастие духовенства в сопротивлении, либо смиренное принятие его гибели. В итоге все обозначенные сюжеты нуждаются в комментарии.

Упомянутое выше исчезновение митрополита Иосифа и ряда епископов бросало на них подозрение в трусости или измене. Молчание источников невольно намекает на то, что в поведении архипастырей не было ничего героического и заслуживающего внимания. Скорее всего, все они избежали мученического венца, каким была увенчана кончина епископов Митрофана, Симеона и иных. Правда, могли быть и иные причины. Вероятнее всего, летописного упоминания заслуживали лишь те, которые представляли хоть какую-либо значимость и важность для тех, кто остался в живых после нашествия Батыя и продолжал летописную традицию Владимира²². Таким обра-

¹⁶ «...ввы оубивающе . ввы же ведуще босы . и безъ покровень въ станы своѣ . издыхающа мразомъ.» [57, стб. 463–464].

¹⁷ «...и взать градъ Переяславль копьемъ. избѣи всѣ. и цркъвь архангѣла Михаила скроуши. и сосоуды цркъвныѣ. бещисленныѣ. златыя. и драгаго каменя. взать. и епсѣпа придѣнаго Семейна оубиша...» [58, с. 781–782].

¹⁸ «И ту оубьень быс князъ великыи Юрьи. на Сити на рѣцѣ. и дружины ѣго много убиша. блжнныи же епсѣтъ Кирилъ. взѣ княза мертвѣ. идѣи из Бѣлаозера . и принесе и въ Ростовъ.» [57, стб. 465].

¹⁹ «...в то же время посла на Черниговъ. ... и градъ взѣша и запалиша вгнѣмь епсѣпа вставиша живѣ. и ведоша и во Глоуховъ... » [58, с. 782].

²⁰ Факты сопротивления татаро-монгольскому вторжению сохранились в истории смоленской земли. Архиепископ Филарет Гумилевский, составляя свод житий святых, указал на смерть воина Меркурия Смоленского [73, с. 656–657]. Несколько редакций повести о Меркурии Смоленском, см.: [64]. Однако подобных житийных примеров, описывающих подобные мученичества среди духовенства смоленских и иных земель, не обнаруживается (единственный пример – это краткое сообщение галицко-волынской летописи о епископе владимирском Митрофане).

²¹ В научном сообществе так и не сложилось единого мнения относительно того, что произошло с киевским святителем. Умер ли он своей смертью, сгинул по дороге в империю или погиб ли при обороне Киева, достоверно не известно [45, с. 13, 15; 2, с. 459]; или бежал ли в Византию в виду угроз и дипломатических интересов Византии [25, с. 29; 17, с. 92–93; 7, с. 15]. Однако нельзя не заметить того, что память об Иосифе ни разу не представлялась для современников в качестве примера мученичества. И такое молчание источников убеждает, что в исчезновении митрополита с кафедры ничего героического и заслуживающего доброй памяти не было.

²² Д.С. Лихачев уже указывал на субъективность летописных источников второй половины XIII в. По его мнению, главным летописным центром вместо утраченного Влади-

зом, имена митрополита Иосифа и других, не вошедших в летописные записи, попросту не отвечали требованиям новой политической ситуации, развивавшейся после 1240 года. Появились новые векторы развития системы церковной иерархии, в которых создавалась возможность к расширению святительских прав и самостоятельности на местах²³.

Как уже упоминалось, нашествие Батыя в церковной истории отмечено гибелью владимирского епископов Митрофана, переяславского епископа Симеона и духовенства многих городов Северо-Восточной Руси. Для летописцев все они были мучениками. В итоге, по мнению, Д.С. Лихачева, тема мученичества стала для ростовского летописания крайне важной, особенно при обосновании неперемного принятия татаро-монгольского господства как Божественного наказания [34, с. 280–288]. Безусловно все погибшие епископы, вне зависимости от причин и обстоятельств их насильственной смерти, причислены к лику святых [44, с. 661]. Признание и закрепление почитания их культа произошло, как полагал известный русский академик, не без участия ростовского епископа Кирилла.

Не менее интересен летописный сюжет, связанный с именем черниговского епископа Порфирия, который, оказавшись в плену у татаро-монголов, был ими же отпущен в Глухове. Акт невероятной для ордынцев щедрости и доброты не может остаться незамеченным. Традиционно принято считать, что произошедшее, скорее всего, объяснялось тем, что к 1239 г. ордынцы уже начали различать епископов и духовенство, предоставляя тем свободу на основе законов Ясы²⁴. Однако высказанный тезис едва ли может удовлетворить недосказанность источника. Возникает целый ряд вопросов, ответить на которые крайне сложно. Например, почему в летописании более не встречается подобных примеров? Почему епископа отпустили не в Чернигов, а сопроводили в Глухов? Почему сам архиерей так и не вернулся в свой кафедральный город, что в целом считалось существенным каноническим проступком²⁵? Кто и что были виновниками освобождения архипастыря? Наконец, почему его не убили и оставили в живых?

мира стал Ростов, а определяющим направлением нравственно-назидательного взамен историко-политического была княгиня Марья – жена Ростовского князя Василька. Подробнее, см.: [34, с. 282].

²³ Росту епископских амбиций могли способствовать изменения административно-канонического характера. Утрата многими территориями своих архипастырей способствовала временному укрупнению епископий, расширявшему права архиереев над местным духовенством.

²⁴ Законы Ясы распространялись лишь на народы, подчиненные Монгольской империи [77, с. 224]. Р.А. Соколов также высказал сомнение относительно выборочной веротерпимости в отношении епископа Чернигова Порфирия [17, с. 91–92]. Исследователь предположил, что веротерпимость хана объяснялась вполне прагматическими целями: желанием достичь максимальной лояльности со стороны многонационального состава своей огромной полиэтничной армии [17, с. 120–122]. Дореволюционные церковные историки предполагали, что объявленная ханом веротерпимость могла объясняться суевериями татаро-монголов, а также гарантировала мир на покорённых территориях: [72, с. 9–11; 7, с. 17–19; 20, с. 89; 22, с. 72; 46, с. 83–86].

²⁵ 33 апостольское правило, послание 3 Вселенского собора предполагают суровые наказания для клириков и иерархов, самовольно оставивших место своего служения или отрёкшихся от своей кафедры [61, с. 97–98, 312–328].

Содержание источников таково, что ответить на все сформулированные проблемы не представляется возможным. Тем не менее, за всей недосказанностью летописной записи угадываются черты неординарной ситуации, позволяющей предположить, что Порфирий, скорее всего, был пленен и получил жизнь, потому что не оказал сопротивления. Что же касается освобождения святителя, то ответ, надо полагать, скрывается в дальнейшей судьбе Черниговской земли, из которой вскоре выделились Глуховское и Брянское княжения. Поэтому нельзя исключать того, что Порфирий неслучайно оказался в Глухове, будущем политическом центре нарождающегося княжества. Скорее всего, его свобода была либо выкуплена стараниями местного князя, либо дарована татаро-монголами при участии политических элит Глухова²⁶. Во всяком случае, Порфирий не вернулся в Чернигов²⁷.

Столь же примечательна судьба ростовского епископа Кирилла. Его спасение в период наиболее активной фазы противостояния Северо-Восточных русских земель татаро-монголам (1238 г.) нуждается в комментарии. Это объясняется неразрешенностью в исторической науке ряда вопросов. Так, не вполне ясны причины отсутствия епископа в Ростове во время осады города. Предложенные же ростовским летописцем объяснения²⁸, извиняющие Кирилла тем, что тот находился в Белоозере для сбора ополчения, неубедитель-

²⁶ Взаимоотношения между просителем и представителем ханской власти сводились к предположительной дихотомии «подарок-отдарок» [31, с. 48]. Принимая во внимание высокое значение ритуала обмена дарами (о значении даров и ритуала обмена дарами см.: [48, с. 18–30]), ничего удивительного в проявленной татаро-монголами снисходительности нет.

²⁷ Однако в историографии этот крайне интересный эпизод в жизни Черниговской епископии не был глубоко исследован. Произошедшие события либо не замечались, – так, например, митрополит Макарий продолжал утверждать, что центром церковного округа оставался Чернигов [44, с. 667], – либо в контексте более позднего времени в качестве центра епископии в монгольский период подразумевался Брянск [23, с. 539]. Помимо всего, было высказано мнение, что некоторое время Порфирий возглавлял вдовствующую Смоленскую кафедру [23, с. 542]. Скорее всего, произошло следующее: в связи с разорением Чернигова и в силу политической ситуации, вызванной падением статуса Черниговского княжеского стола и возвышением княжеских столов прежде менее значимых городов Глухова и Брянска, епископы, а вместе с ними кафедра, перемещались в Глухов, а несколько позже – в Брянск. При этом титул епископов оставался прежним и связывался с Черниговым. В качестве подобных примеров можно рассматривать ситуацию с Юрьевскими епископами, кафедра которых однажды перемещалась в город Святополч (1095–1103 гг.) [58, стб. 219, 256], киевскими митрополитами, кафедра которых на начальном этапе христианизации Руси, вероятнее всего, была связана с Переяславлем, до 1237 г. [57, стб. 151, 208], а в период татаро-монгольского господства – с Владимиром и Москвой, с сохранением титула «Киевские» (до 1458/1461 гг.).

²⁸ Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку сообщает о деталях спасения иерарха предельно кратко: «блжнѣи же еписѣпъ Кирилъ . взъ князѣа мертвѣа . идѣи из Бѣлазѣра . и принесе и в Ростовѣ» [57, стб. 465]. Однако Суздальская летопись по Академическому списку конкретизирует: «блжнѣи же еписѣпъ Кирилъ ида з Бѣлазѣра тамо избыв ратных, и прииде на место идѣже оубиенъ быс велікѣи кнѣзь Юрьи, и вбрѣте тѣло еѣ, взем же и принесе е в Ростов» [57, стб. 520]. Принадлежность сюжета ростовскому владычному своду XV в., несомненно, симпатизирующему своему прошлому, не подлежит сомнению. О происхождении второй части Суздальской летописи по Академическому списку см.: [80, с. 222–230].

ны²⁹. Судя по тому, что Кирилл в отсутствие князя обладал правом сбора ратных людей, позволяет заключить, что архиерей, скорее всего, оставался в городе за старшего. Со смертью Василька Константиновича Кирилл должен был сам возглавить оборону Ростова. В итоге, в условиях приближающихся татаро-монголов епископ предпочел покинуть город под предлогом сбора ратных людей в Белоозере. В результате, Ростов был сдан³⁰.

Не менее примечательны дальнейшие действия Кирилла. На обратном пути святитель проехал через место битвы. В Ростов он прибыл с телом великого князя Юрия. Очевидно, что поступок епископа объяснялся тем, что ему были известны результаты последовавших после его отъезда событий, и необходимости торопиться в город больше не было. Привезенное же тело великого князя, останки которого нашли упокоение в Ростовском соборе, снимало с епископа упреки в его отсутствии в городе. Правда, и в этом случае дело не видится совершенно ясным.

Во-первых, собранное епископом ополчение не присутствовало на отпевании великого князя. Во всяком случае автор записи не заметил среди участников отпевания не только горожан и воинов, но и кого-либо иного из представителей княжеского рода или боярства. Летописная запись отмечает лишь многочисленное белое духовенство и монашествующих³¹. Описанные обстоятельства позволяют предположить, что, скорее всего, ратные так и не были собраны. Во-вторых, что касается участников погребения – духовенства, то его многочисленность указывает на то, что все они остались в живых не случайно. Это могло произойти только при стечении трех обстоятельств: 1) Ростов был сдан; 2) духовенство не оказало никакого сопротивления; 3) татаро-монголы прекрасно различали представителей церкви, даровав тем

²⁹ Казалось бы, поездка Кирилла для сбора воинства из Ростова в Белоозеро выглядит весьма убедительной. Удаленность Белоозера от Ростова (440 км) позволяла в срочном порядке приблизительно за 12 часов покрыть это расстояние на коне. Даже учитывая статус епископа, необходимость отдыха лошадям и времени самого процесса мобилизации, это не могло занять более 3–4 дней.

³⁰ Отъезд ростовского иерарха из обреченного города схож с событиями 1382 г., когда митрополит Киприан, под предлогом спасения жены князя Евдокии, отбыл из Москвы. Покинутые великим князем москвичи в смятении восстали, и долгое время никого не выпускали, в т.ч. и своего первоиерарха. Но обобрав его и жену великого князя, все же отпустили. По всей видимости, Киприан отъезжал со значительно богатым скарбом и на добрый исход обороны города явно не надеялся. Весьма интересным является и то, что успокоить буйных горожан и возглавить оборону сумел молодой литовский князь Остей, потомок Ольгерда, состоявший тогда на службе у московского князя. Поход Токтамыша на Москву имел отличное значение и иные цели, чем действия Батые в отношении Киева (о мотивах военного похода Токтамыша, см.: [49, с. 706–712; 11, с. 144–170; 12, с. 75–114]). Однако действия митрополита и в первом, и во втором случае обнаруживали их человеческую слабость – страх погибнуть в период осады города.

³¹ Судя по летописным записям, встреча тела Юрия была немногочленной и лишённой обычных в подобных случаях ярких скорбных эмоций: «и пѣвъ надъ нимъ вбычныѣ пѣсѣ . со игумены . и с клирошаны . и с попы . со многими слезами вложиша и в гробъ оу стѣе Бѣи» [57, стб. 465]. Встреча же родного ростовского князя Василька изобилует сюжетами городской паникиды: «послаша по княза [Василька – Т.Г.] . принесоша и в Ростовъ . и яко понесоша и в градъ . и множество народа изидоша противу ему . жалостныѣ слезы испущающа . вставше такого утѣшенѣа . рыдаху же народа множество правовѣрныхъ . зрѣше шѣа сирымъ . и кормителя ѡходящимъ . печальнымъ оутѣшенѣе великое . в мрачнымъ звѣзду свѣтоносу К зашедшу . на весь бо црѣквныи Г чинь» [57, стб. 466].

жизнь и свободу в соответствии с законами Ясы. В итоге описанные под 1238 г. обстоятельства в истории Ростова указывают на то, что в отличие от черниговского духовенства, участвовавшего в обороне города, ростовские пастыри и монашествующие не только счастливо избежали гибели и пленения, но и, возможно, были причастны к падению города.

Вместе с тем, стоит отметить тот факт, что на заупокойной службе отсутствовали не только представители знати, но и горожане. Описанное обстоятельство весьма красноречиво говорит о положении дел в Ростове, который, вероятно, подвергся разграблению, в отличие от его храмов, духовенство которых присутствовало на похоронах.

Дискуссионными остаются и вопросы, связанные с первоначальным выбором места захоронения тела великого князя. В историографии до сих пор не рассмотрены причины и мотивы погребения убитого князя Юрия Всеволодовича в Ростове, а не во Владимире, как этого следовало бы ожидать. Действия ростовского епископа могли быть обусловлены разрушением Владимира, в котором не было возможности похоронить князя³². Однако почти два года спустя младший брат Юрия, Ярослав Всеволодович, получивший титул князя владимирского по старшинству, вернул тело Юрия и похоронил его во Владимире³³. Учитывая летописные описания разрушений Владимира, два года – достаточно краткий и недостаточный срок для восстановления центрального собора и возобновления в нем служб. Но очевидно, что это не остановило Ярослава, перенесшего тело князя в свой город³⁴.

Помимо постигшего Владимира разрушения поступок епископа Кирилла мог объясняться множеством причин. Во-первых, нельзя исключить того, что въезд святителя в стольный город для совершения в нем служб без разрешения местного епископа или первенствующего иерарха противоречил церков-

³² Летописи не сохранили известий о конкретных разрушениях, как и о ходе боев в Ростове. Всё это указывает на то, что, вероятнее всего, город сдался без боя. В пользу предложенной версии свидетельствует сообщение о князе Василько. Во время осады Ростова князь Василько с войском был на пути к реке Сить. Его задача заключалась в соединении с силами великого князя владимирского, Юрия. По сути Ростов оставался без защиты.

³³ В 1239 году ростовский епископ уже сопровождал тело князя Юрия во Владимир: «Посла Ярославъ княз великий . по брата своего Гевргиѧ . в Ростовъ . и привезоша и к Володимерю . и не дошедше ста . изидоша из града противу ѣму. епѣтъ Кириль . и Дивнисии архимандрить . понесоша и в градъ . съ епѣпмъ . и игуменѣ . и попове . и черноризци . и не бѣ слышати пѣньѧ в плачи . и велици вопли . плака бо сѧ весь градъ . Володимерь по немъ . Ярослав же . и Сѣславъ . и князи Рустии» [57, стб. 467].

³⁴ Первым исследователем, заметившим это был граф М.В. Толстой, отметивший безрассудство князей, «которые не приняли участия в бедствиях северной Руси, издали смотрели на них равнодушно, помышляя единственно о выгодах своего властолюбия» [70, с. 102–103]. А.В. Соловьев полагал, что все действия Ярослава Всеволодовича были продиктованы самостоятельным утверждением за собой титула великого князя и, как следствие, возрождением Северо-восточных земель. Быстрое восстановление разоренных земель ученый связывал с миграцией на территорию, подвластную Ярославу, жителей Южной Руси, гонимых различными бедствиями, происходившими у них на родине. По мнению исследователя, успешная деятельность Ярослава позволила ему с легкостью получить в 1242 году у Батые в Орде титул «старей всем князем в русском языке». Подробнее, см.: [66, с. 99–101]. Подобное предположение о самоличном присвоении титула как Ярославом Всеволодовичем, а после его смерти и его братом Святославом, предполагал и Ю.В. Кривошеев [31, с. 41–43].

ным правилам. Правда, согласно канонам, Владимир мог быть недостижим для ростовского епископа даже при отсутствии в городе епископа³⁵. Однако владимирский архиерей не просто исчез, он погиб, а специальное посольство в Киев в сложившихся условиях выглядит неуместным. К тому же уже в 1240 г., как упоминалось выше, даже в условиях, когда Владимирская кафедра продолжала вдовствовать, а связь с Киевом оказалась еще более трудной, ничто не помешало ростовскому епископу Кириллу возглавить церковное молитвенное сопровождение убитого князя. Вероятно, действия ростовского иерарха оправдывались волей Ярослава Всеволодовича, который, скорее всего, и санкционировал службу Кирилла во Владимире. По всей видимости, в условиях роста самостоятельности городов и земель накануне нашествия, границы епископий были незыблемыми. Однако утверждать, что подобное положение дел сохранялось на Руси и в период русско-монгольской войны, приведшей к исчезновению нескольких епископий и пересмотру принципов старейшинства, не представляется возможным.

Во-вторых, весьма вероятно, что ростовского епископа могла беспокоить сохранность тела Юрия Всеволодовича. Оставлять его в разрушенном городе было опасно. К тому же владимирское белое духовенство, судя по летописным известиям, разделило судьбу своего архипастыря и погибло в пожаре, охватившем город при его штурме. А значит, ухаживать за могилой князя и совершать по нему поминовение было некому. При всей убедительности логических доводов, данная версия видится неправдоподобной.

В-третьих, не исключено, что действия ростовского епископа могли отражать и давнюю борьбу Владимира и Ростова за первенство в этом регионе. Погребение Юрия в Ростове едва ли состоялось бы без согласия местных элит. В итоге в принятом решении усматривается давнее желание ростовской знати укрепить политический статус своего города, а вместе с ним и его кафедры. В представленном контексте решение Ярослава Всеволодовича о возвращении тела Юрия во Владимир видятся логичным ответом на амбиции ростовцев. Однако предложенная выше версия имеет скорее не фактическую, а логическую основу.

В итоге установить мотивы, какими руководствовался епископ Кирилл при погребении тела Юрия Всеволодовича в Ростове, не представляется возможным. Ясно лишь одно: нашествие привело к временной, но существенной дезинтеграции политических и церковных процессов на Руси.

³⁵ Согласно 13 правилу Антиохийского собора, все действия Кирилла во Владимирской епархии даже в условиях вдовствующей кафедры без специального на это призыва или обращения считались бы недействительными [61, с. 73]. Помимо того, согласно 9 правилу того же собора, епископ в подобном случае был обязан руководствоваться мнением своего митрополита [61, с. 69]. Однако в этот период первосвященитель на Руси уже либо отсутствовал, либо общение с ним не представлялось возможным. В складывавшихся условиях участие Кирилла в погребении великого князя во Владимире обладало бы двусмысленностью и могло повлечь осложнение и без того не простых отношений между Ростовом и Владимиром. Однако уже через два года возникшее затруднение было решено. Произшедшие перемены, скорее всего, объяснялись приглашением, последовавшим от преемника Юрия, Ярослава Всеволодовича. Только тогда Кирилл принял участие в переносе останков великого князя в стольный город и совершил там поминальную службу по Юрию.

Тема гибели земли Русской.

О месте духовенства в русско-ордынском противостоянии 30-х – 40-х гг. XIII в. и об отношении к нему со стороны населения можно судить по тому как монашествующие, духовенство и высшие иерархи представлены или не представлены, когда таковое присутствие было бы логичным, в сюжетах, которые можно квалифицировать как образы гибнущей Руси. Наиболее яркими примерами подобных произведений необходимо признать «Слово о гибели Русской земли» и «Повесть о разорении Рязани Батыем». Первое из них, по мнению многих исследователей, было создано приблизительно в период с 1238 по 1246 год, т.е. непосредственно в первые годы после нашествия на Русь, во Владимире, предположительно выходцем из южной Руси³⁶. По мнению Д.С. Лихачева «Слово о гибели...» очень близко одному из отрывков «Шестоднева» Иоанна Экзарха Болгарского [35, с. 92–96]. Второй памятник древнерусской литературы, по мнению Д.С. Лихачева, должен быть отнесен ко второй половине XIV в. и мог принадлежать ростовскому летописцу [36, с. 9–14]. Несомненно, оба произведения, созданные в разное время, по-разному отражали и реалии того времени, рисуя картину событий татаро-монгольского вторжения в диаметрально противоположных цветах. В итоге, в силу обстоятельств своего возникновения они обладали спецификой в оценке участия церкви в русско-ордынском противостоянии. Последнее определено нуждается в отдельном комментарии.

Очевидно, что для северо-восточных земель нашествие стало настоящим потрясением, приведшим в первые годы ордынского господства к катастрофическим последствиям. Прежде всего, это выразилось в колоссальных потерях в среде древнерусских элит, преимущественно знати из числа представителей княжеского рода и его окружения. Потери понесла и церковная среда.

Было бы логичным ожидать, что на фоне разорения значительной части городов (их разрушении или в разграблении) и их святынь, прежде всего церквей, литературные памятники, как и летописные записи, должны были бы отражать в себе скорбные мотивы о гибели и страдании духовенства. Так, в условиях XII в. летописцы очень чутко и остро реагировали на разграбление храмов и монастырей от рук половцев. Однако в «Слово о гибели...» вообще отсутствует какое-либо указание на церковных лиц. Их образов нет рядом с «бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами Божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими» [65, с. 27]. В данном памятнике церкви и обители предстают перед читателем частью своего рода культурного и природного ландшафта, неотъемлемым фрагментом живописной картины русской природы. К сожалению, данный феномен обделен вниманием исследователей. Отсутствие образов церковных служителей при перечислении славных князей и бояр можно было бы объяснить обрывочностью самого памятника и возможной непричастностью самого автора к духовному сословию. Однако иные произведения, также вышедшие из-под пера «светских» лиц, Моление Даниила Заточника, Галицко-Волынская летопись и иные, уделяли жизни церкви и ее пастырей не меньшее внимание, чем это делали иноки-летописцы.

³⁶ Продиктовано это текстологическими изысканиями. Подробнее см.: [12, с. 542; 21 с. 351; 69, с. 235–244; 66, с. 109–113; 16, с. 132–142; 47, с. 44–53].

Автором «Слова о погибели...» духовенство оказалось практически незамеченным и не связанным ни с храмами, ни с монастырскими садами, ни со славными защитниками Земли Русской.

Памятник «Повесть о разорении Рязани Батыем» разительно отличается от сюжетов иных летописных сводов и «Слова о погибели...». Он включает в себя как молитвы иерархов церкви, благословлявших князей на борьбу, так и качественно иное восприятие «погибели» Земли Русской и разгром русских дружин³⁷. По мнению составителя памятника, гибель Рязани, а в ее лице и Руси, наступили не вследствие слабости князей, а в силу того, что более не оставалось живых защитников. Правда, при этом очень важно отметить, что появление рассматриваемой повести относится к более позднему периоду, к середине XIV – концу XIV вв., времени начала изменения вектора в отношениях Руси и Орды³⁸. По мере ослабления Сарая и усиления военно-политических центров на Руси церковь стала изменять свое отношение к ханам. Не способствовали улучшению русско-ордынских отношений и господствовавшие в этот период в русских элитах настроения, опасения умаления княжеской власти и установления над Русью непосредственного ханского управления [11, с. 167]. Теперь, в изменившихся условиях, церковь через посредство литературных произведений представляла себя вдохновительницей северо-восточных земель на борьбу с господством Орды. Примерно на эти же годы приходится и появление легенды о благословении преподобным Сергием Радонежским войск Дмитрия Донского на Куликовскую битву. Летописи ничего о таком благословении не знают³⁹. Само повествование литературного памятника, в отличие от кратких летописных записей, изобилует сюжетами плача и рыдания о стойких защитниках русской земли. Но это слезы середины XIV века. Создававшиеся в

³⁷ В «Повести о разорении Рязани...» содержится молитва рязанского князя: «Князь великий Юрий Ингорович, видя братьев своих, и бояр, и воевод, храбро и мужественно гарцующих <верхом>, воздел руки к небу и со слезами сказал: «Огради нас от врагов наших, Боже, и от восстающих на нас избави нас, и спаси нас от сонма лукавствующих и от множества творящих беззаконие. Да будет путь их темен и скользок!»» [56, с. 52]. Судя по повести, епископ рязанский и весь духовный собор города благословили собиравшегося в поход князя: «[Князь великий Юрий Ингорович] плакал много и молился пред образом пречистой Богородицы, и великого чудотворца Николы, и сродников своих Бориса и Глеба. И совершил обряд прощания с великой княгиней Агриппиной Ростиславовой и принял благословение от епископа и от всего священного собора» [56, с. 53]. Однако, по исследованию И.Н. Данилевского, епископа в городе на тот момент не было [29, с. 371]. Исходя из текста повести, брат рязанского князя Юрия, увидев и ужаснувшись последствиям Батыева нашествия, уже знал, что имеет дело с измалтянами, и что близится конец мира: «Великий князь Ингварь Ингорович воздел руки к небу, и со слезами воззвал, приговаривая: «Господи Боже мой! На тебя уповаю, спаси меня, и от всех преследующих избавь меня! Пречистая владычица Богородица, мать Христа, Бога нашего! Не оставь меня во время печали моей! Великие страстотерпцы и сродники наши Борис и Глеб! Будьте мне, грешному, помощниками в битвах! О братья мои и господа мои! Помогайте мне во святых своих молитвах <в сражениях> с супостатами нашими — с агарянами, внуками Измаиловыми!»» [56, с. 58].

³⁸ Подробнее о времени, месте создания и авторе «Повести разорения Рязани Батыем» см.: [1, с. 48–52; 27, с. 260–263; 41, с. 257–282]. Текст в многочисленных редакциях, см.: [41, с. 282–405]. Текст повести, вероятно, не рязанского происхождения, имеет некоторые заимствования из летописной записи 941 г., замеченные еще Лихачевым и поддержанные Данилевским [38, с. 50; 14, с. 310].

³⁹ Об обстоятельствах возникновения легенды, см.: [15, с. 11–15].

церковной среде произведения и летописные записи XIII – начала XIV вв. совершенно иначе оценивали место церкви в событиях русско-ордынского противостояния и предпочитали избегать «героизма», предпочитая ему концепцию смиренного принятия «казней Божиих».

* * *

Древнерусское летописание Северо-Восточной Руси, как и иные памятники литературы XIII века, не сохранили в себе детальной оценки действий деятелей церкви в период русско-монгольского противостояния. Их молчание позволяет предположить, что при воссоздании событий прошлого, так или иначе отражавших акты сопротивления Орде, церковь предпочитала дистанцироваться от воюющих сторон. Данная черта проявилась даже при оценке событий 1223 г., отстоявших от времени создания известий о Калкской битве более чем на полвека. Выбранная священной иерархией позиция существенно отличалась от той, какую она занимала прежде, в домонгольское время, например, в отношении половецких набегов. Теперь благодетельственная и примирившаяся с Ордой церковь предпочитала вообще никак не комментировать татаро-монгольское вторжение, рассматривая эти события лишь в контексте концепции «казней Божиих». Единственный летописный сюжет, побуждающий к борьбе, связан с предсмертной речью епископа Митрофана. Однако и он содержится лишь в галицко-волыньском летописании, создававшемся при дворе Галицких князей, продолжительный период занимавших в отношении Орды непримиримую позицию. Ситуация изменилась во второй половине XIV в. Именно в эти десятилетия впервые встречается «критическое» восприятие Орды. Однако и в этом случае ни о какой объективности известий о мотивах и особенностях поведения духовенства и церковной иерархии в отношении Орды говорить не приходится. То же касается и летописания. В целом литературные памятники в отношении татаро-монголов и самой церкви чаще содержат весьма размытые формулировки, прославляющие смирение, как это хорошо представляется в истории смерти Владимирского епископа Митрофана, архимандрита Пахомия, игуменов Даниила и Феодосия. Не менее жертвенной была смерть переяславского епископа Семиона. Но на фоне подобных смертей разительно выделяются сюжеты о «спасении» ростовского епископа Кирилла и черниговского епископа Порфирия. В первом случае епископу удалось покинуть город, под предлогом собирания «ратных» для обороны Ростова и отъехать в Белоозеро. Однако в итоге, следов воинов в дальнейшей летописной судьбе Кирилла ростовского не обнаруживается. Во втором случае черниговский епископ был взят татаро-монголами в плен и оставлен в живых. Вероятно, ценой жизни для Порфирия стала определенная договоренность, о целях и задачах которой, можно только догадываться.

Действия и судьбы остальных иерархов остаются неизвестными. Кроме того, южнорусские иерархи, в том числе митрополит Иосиф, в летописном падении Киева и событиях 1239–1240 гг. были попросту не замечены. Вероятно, их действия, как и их образы, по мнению современников, не заслуживали памяти и почитания.

Таким образом, в представлениях современников и ближайших потомков, свидетелей первых десятилетий татаро-монгольского господства на Руси, церковно-ордынские отношения обладали сложным характером. В то время как церковные иерархи по-разному восприняли вторжение, память об этом

прослеживается не только в историях святителей Митрофана и Порфирия, но и в недосказанности относительно судеб многих иных иерархов, в том числе киевского митрополита Иосифа. Однако не вызывает сомнения и тот факт, что церковь приняла господство Орды и соблюдая правила этикета и политического благоразумия предпочитала либо никак не комментировать свои связи с татаро-монгольскими политическими центрами, либо умалчивать о своей позиции в отношении ордынского господства, придав ему смыслы «Казней Божиих».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Амелькин А.О.* Когда «родился» Евпатий Коловрат // *Родина*. 1997. № 3–4. С. 48–52.
2. *Барсов Т.* Константинопольский патриарх и его власть над Русскою церковью. СПб.: тип. И.А. Ремезова, 1878. 592 с.
3. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М.: АН СССР, 1963. 376 с.
4. *Будовниц И.У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси XI–XIV вв. М.: АН СССР, 1960. 488 с.
5. *Буланин Д.М.* Повесть о битве на Калке // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л.: АН СССР, 1987. С. 346–348.
6. *Гартман А.В.* Хронология похода Батые на Северо-Восточную Русь // *Известия Алтайского государственного университета*. 2008. № 4/2, С. 17–21.
7. *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Том II: период второй, Московский от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. М.: Грааль, 1997. 920 с.
8. *Гольженков И.* Битва на Калке 31 мая 1223 г. М.: Изограф, 1994. 49 с.
9. *Горский А.А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Руския земли»: К 750-летию со времени написания // *Труды Отдела древнерусской литературы* (далее – ТОДРЛ). Л.: Наука, 1990. Т. 43. С. 18–38.
10. *Горский А.А.* Москва и Орда. М.: Ломоносовъ, 2016. 296 с.
11. *Горский А.А.* Средневековая Русь. О чём говорят источники. М.: Ломоносовъ, 2016. 216 с.
12. *Гудзий Н.К.* О «Слове о погибели Руския земли» // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1956. Т. 12. С. 527–545.
13. *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М.: Аспект Пресс, 1998. 234 с.
14. *Данилевский И.Н.* Исторические источники XI–XVII вв. // *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева*. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. С. 171–222.
15. *Данилевский И.Н.* Как Сергей Радонежский стал героем К уликовской битвы. // *Родина*. 2014. № 5. С. 11–15.
16. *Данилов В.В.* «Слово о погибели Руския земли» как произведение художественное // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1960. Т. 16. С. 132–142.
17. *Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В.* Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2012. 412 с.
18. *Дмитриев Л.А.* Слово о погибели Русской земли // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л.: АН СССР, 1987. Вып. 1. С. 432–434.
19. *Дмитриев Я.А.* Житийные повести русского Севера как памятник литературы XIII–XVII вв. Л.: Наука, 1973. 304 с.

20. *Доброклонский А.П.* Руководство по Истории Русской Церкви М.: Грааль, 2001. 936 с.
21. *Еремин И.П.* «Слово о погибели Русской земли» // Художественная проза-Киевской Руси XI–XIII веков. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 351–354.
22. *Знаменский П.В.* История русской церкви (уч. рук-во) М.: Грааль, 2000. 462 с
23. История иерархии русской православной церкви / М.Е. Губонин, иссл. группа Ф.А. Гайда. М.: ПСТГУ, 2006. 926 с.
24. *Карамзин Н.М.* История государства российского. М.: Наука, 1991. Т. 3. 828 с.
25. *Карташев А.В.* Собрание сочинений: В 2 т.: Т. 1.: Очерки по истории русской церкви. М.: ТЕРРА, 1992. 686 с.
26. *Клосс Б.М.* В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники: 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 5–13.
27. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития как исторический источник. М.: Тип. Грачева и комп., 1871. 479 с.
28. *Комарович В. Л.* Литература Рязанского княжества XIII–XIV вв. // История русской литературы. Литература 1220-х – 1580-х гг. М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1. С. 75–77.
29. Комментарии // Памятники общественной мысли Древней Руси / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский]. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. С. 343–651.
30. Краткое упоминание битвы на Калке во «Втором продолжении (анналов Мелька) Клостернойбурга» // *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племени Сатаны». Аналогия ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории АН РТ, 2015. С. 133–134.
31. *Кривошеев Ю.В.* Русская средневековая государственность. СПб.: СПбГУ, 2008. 131 с.
32. *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. Сборник научных трудов. М., 1990. Ч. 1. С. 15–69.
33. *Лазарев В.Н.* Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М.: Искусство, 2000. 152 с.
34. *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М, Л.: АН СССР, 1947. 499 с.
35. *Лихачев Д.С.* Слово о погибели русской земли и «шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского // Русско-европейские литературные связи. М., Л.: Наука, 1966. С. 92–96.
36. *Лихачев Д. С.* Вступительная статья / Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М.: Худ. Лит., 1981. С. 9–14.
37. *Лихачев Д.С.* Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. Л., 1987. Т. 2. 342 с.
38. *Лихачев Д.С.* К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // Археографический ежегодник за 1962 год: (к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова). М.: АН СССР, 1963. С. 48–51.
39. *Лихачев Д.С.* Летописные известия об Александре Поповиче // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР 1949. Т. 7. С. 17–51.
40. *Лихачев Д.С.* Литература Новгорода XIV–XV вв. // История русской литературы. Литература 1220-х – 1580-х гг. М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1. С. 263–264.
41. *Лихачев Д.С.* Повести о Николе Зараском // ТОДРЛ. Л.: Наука 1949. Т. 7. С. 257–406.
42. *Лурье Я.С.* Лаврентьевская летопись – свод начала XV века // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1974. Т. 29. С. 50–67.
43. *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.: Наука, 1976. 285 с.

44. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: история Русской Церкви в период совершенной зависимости её от константинопольского патриарха (988–1240). Кн. 2. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. 704 с.
45. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Кн. 3. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 704 с.
46. Малицкий П.И. Руководство по истории русской церкви. Изд. 4. М.: Грааль, 2010. 464 с.
47. Мецкерский Н.А. К реконструкции текста "Слова о погибели Руския земли" // Вестник ЛГУ. № 14. Серия истории, языка и литературы, 1963. Вып. 3. С. 44–53.
48. Мининкова Л.В. Дар в традиции домонгольской Руси: культурно-символическое наполнение и политическое содержание // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях / под ред. д.и.н. П.И. Гайдено. СПб.: К. Костромин, Т. 4. С. 18–30.
49. Миргалеев И.М. Правление Токтамыш-хана // История татар с древнейших времен. В семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 706–712.
50. Мусин А.Е. Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 368 с.
51. Пацуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 280 с.
52. Пацуто В.Т. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 210–227.
53. Пацуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.; Л.: Институт истории, 1950. 333 с.
54. Письмо грузинского амирспасалара Иванэ папе Гонорию III // Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса Сатаны». Анатолия ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории АН РТ, 2015. С. 127–129.
55. Письмо грузинской королевы Русудан папе Гонорию III // Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса Сатаны». Анатолия ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории АН РТ, 2015. С. 124–126.
56. Повесть о разорении Рязани Батыем // Памятники общественной мысли Древней Руси / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский]. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. С. 51–60.
57. Полное собрание русских летописей: Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.
58. Полное собрание русских летописей: Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 648 с.
59. Полное собрание русских летописей: Т. 3: Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2001. 720 с.
60. Порфиридов Н.Г. Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI–XV вв. М.; Л.: АН СССР, 1947. 307 с.
61. Правила Православной церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-истрийского. Т. 2. СПб.: Типография М.Меркушева, 1912. 639 с.
62. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М: Квадрига. 2009. 248 с.
63. Свердлов М.Б. К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке» // Вестник ЛГУ. № 2. Вып. 1. Л., 1963. С. 139–144.
64. Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / Подгот. текстов и иссл. Н.В. Рамазановой. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. 392 с.

65. Слово о гибели Русской земли // Памятники общественной мысли Древней Руси. / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский]. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. С. 27.
66. Соловьев А.В. Заметки к "Слову о гибели Руския земли" // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1958. Т. 15. 523 с.
67. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Л–П. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1902. Т. 2. 919 с.
68. Татищев В.Н. История российская. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 3. 340 с.
69. Тихомиров М.Н. Где и когда было написано «Слово о гибели Русской земли» // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1951. Т. 8. С. 235–244.
70. Толстой М.В. Рассказы из истории русской церкви. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1991. 726 с.
71. Трактат Цезария из Гейстербаха «Диалог о чудесах» // Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса Сатаны». Анатология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории АН РТ, 2015. С. 134–135.
72. Филарет (Гумилевский), архиеп. История Русской Церкви. Период 2. Монгольский. От опустошения России монголами до разделения митрополии (1236–1410). 5-ое изд. М.: Тип. Волчанинова, 1888. 840 с.
73. Филарет (Гумилевский), архиеп. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. СПб.: Русская симфония, 2008. 760 с.
74. Флоря Б.Н. Общественная мысль в России и других славянских странах в эпоху развитого средневековья. М.: Индрик, 2014. 432 с.
75. Фома Сплитский История архиепископов Салоны и Сплита. М.: Индрик, 1997. 320 с.
76. Фрагмент из «Хроники» нотариуса Риккардо из Сан Джермано // Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса Сатаны». Анатология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории АН РТ, 2015. С. 131–133.
77. Хара-Даван Э. Чингис хан: эссе / сост. М. Галеев. Казань: Татар. Кн. Изд-во, 2008. 351 с.
78. Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса Сатаны». Анатология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань, 2015. 496 с.
79. Хрущов И.П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI–XII столетия. Киев: Университетская типография, 1878. 225 с.
80. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.–Л.: АН СССР, 1938. 374 с.
81. Щапов Я.Н. Государство и Церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 233 с.
82. Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. СПб.: Императорская Академия наук, 1771. Т. 2. 668 с.
83. Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб.: Синодальная Типография, 1908. 442 с.
84. *Viekoslav Klaić*. Pověsti Hrvata. Zagreb: Lav. Hartmana, 1899. 318 p.

Сведения об авторе: Тэймур Рустэмович Галимов – аспирант Казанского государственного архитектурно-строительного университета (420043, ул. Зеленая, 1, Казань, Российская Федерация). E-mail: galimov_t_r@mail.ru

Поступила 11.01.2017 г.
Принята к публикации 5.03.2017 г.

**HIERARCHY OF THE RUSSIAN CHURCH AND RELATIONS
BETWEEN THE HORDE AND THE RUSSIAN CHURCH
DURING THE TATAR-MONGOL INVASION OF 1237–1240
ACCORDING TO CONTEMPORARY ESTIMATES**

T.R. Galimov

Kazan State University of Architecture and Engineering

420043 Kazan, Russian Federation

E-mail: galimov_t_r@mail.ru

Objective: The author analyzes activities of the Russian church and its supreme hierarchs during the most active period of the Russian-Horde conflict (1237–1240).

Materials: Old Russian chronicles and tales remain the main source of information on the activities of the church hierarchy during the military-political confrontation between Russian principalities and the Horde. As it has been shown by studies of recent years, complex of scenes depicting the struggle against the invaders is not so clear, as it was considered to be in the national historiography for many decades. This observation allows a new reading of the reports on church life in Rus' during the most acute phase of Russian-Horde war.

Results and novelty of the research: Events of 1237–1240 led to a fundamental change in the existing situation in Rus'. This concerned not only the power but also religious institutions. The results of this study suggest that behavior of church hierarchs became the main cause of changes in the socio-political and economic spheres of ancient Russian ecclesiastical organization. The church accepted the rule of the Horde over Rus' and the Horde benefits and awards reinforced the higher clergy's loyalty to the khans' power. This circumstance required the church to declare its stance in respect to the new power. As a result, the need for accepting existing relations between the church and the Horde found its justification in the concept of "Plagues of God". Such an ideological justification removed conquerors' responsibility for the ills that befell Rus' and justified contacts between the church and the Horde. Old Russian sources do not provide direct estimates of the prelates' behavior. But reading of the chronicle reports leave the impression that contemporaries assessed the behavior of the church quite ambiguously and probably reprehensibly.

Keywords: relations between the Russian Church and the Horde, hierarchs of ancient Rus', battle on the Kalka river, Batu Khan's invasion of Rus', Bishop of Vladimir Mitrofan, Bishop of Chernigov Porphyry, Bishop of Rostov Kirill, history of Russian church.

For citation: Galimov T.R. Hierarchy of the Russian Church and Relations between the Horde and the Russian Church during the Tatar-Mongol Invasion of 1237–1240 according to Contemporary Estimates. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 29–55. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.29-55

REFERENCES

1. Amel'kin A.O. Kogda «rodilsya» Evpatiy Kolovrat [When Evpatiy Kolovrat "Was Born"]. *Rodina* [Homeland]. 1997, no. 3–4, pp. 48–52. (In Russian)
2. Barsov T. *Konstantinopol'skiy patriarch i ego vlast' nad Russkoyu tserkov'yu* [Patriarch of Constantinople and His Authority over the Russian Church]. St. Petersburg, Tipografiya I.A. Remezova, 1878. 592 p. (In Russian)
3. Berezkhov N.G. *Khronologiya russkogo letopisaniya* [Russian Chronicles' Chronology]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1963. 376 p. (In Russian)
4. Budovnits I.U. *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' Drevney Rusi XI–XIV vv* [Social and Political Thought of Ancient Rus' in the 11th–14th centuries]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. 488 p. (In Russian)

5. Bulanin D.M. Povest' o bitve na Kalke [Tale about the Battle of Kalka]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Vocabulary of Scribes and Literary Culture of Ancient Rus'. Iss. 1 (11th – first half of the 14th centuries)]. St. Petersburg, Akademiya nauk SSSR Publ., 1987, pp. 346–348. (In Russian)
6. Gartman A.V. Khronologiya pokhoda Batyya na Severo-Vostochnuyu Rus' [Chronology of Batu's Campaign against North-Eastern Rus']. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Altai State University], no. 4/2, 2008, pp. 17–21. (In Russian)
7. Golubinskiy E.E. *Istoriya russkoy tserkvi. Tom II: period vtoroy, Moskovskiy ot nashestviya mongolov do mitropolita Makariya vklyuchitel'no* [History of the Russian Church. Vol. II: The Second Period, the Moscow Period from the Mongol Invasion to the Metropolitan Macarius Inclusively]. Moscow, Grail Publ., 1997. 920 p. (In Russian)
8. Golyzhenkov I. *Bitva na Kalke 31 maya 1223 g.* [The Battle of Kalka on May 31, 1223]. Moscow, Izograf Publ., 1994. 49 p. (In Russian)
9. Gorsky A.A. Problemy izucheniya "Slova o pogibeli Ruskyya zemli": K 750-letiyu so vremeni napisaniya [Problems of Studying the "Word of the Destruction of the Russian Land": To 750th Anniversary of Its Writing Time]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Works of Department of Old Russian literature]. St.Petersburg, Nauka Publ., 1990. Vol. 43. pp. 18–38. (In Russian)
10. Gorsky A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow, Lomonosov Publ., 2016. 296 p. (In Russian)
11. Gorsky A.A. *Srednevekovaya Rus'. O chem govoryat istochniki* [Medieval Russia. What Sources Say]. Moscow, Lomonosov Publ., 2016. 216 p. (In Russian)
12. Gudziy N.K. O «Slove o pogibeli Ruskyya zemli» [On the "Word of the Destruction of the Russian Land"]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Works of Department of Old Russian Literature]. Moscow, St.Petersburg, USSR Academy of Sciences Publ., 1956. Vol. 12. pp. 527–545. (In Russian)
13. Danilevskiy I.N. *Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.)* [Ancient Russia through the Eyes of Contemporaries and Descendants (9th–12th centuries)]. Moscow, Aspekt Press, 1998. 234 p. (In Russian)
14. Danilevskiy I.N. Istoricheskie istochniki XI–XVII vv. [Historical Sources of the 11th–17th centuries]. *Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiyskoy istorii: Ucheb. posobie* [Source Study: Theory. History. Method. Sources of Russian History: Study Guide]. I.N. Danilevskiy, V.V. Kabanov, O.M. Medushevskaya, M.F. Rummyantseva (eds.). Moscow, Russian. state. humanit. univ., 1998. pp. 171–222. (In Russian)
15. Danilevskiy I.N. Kak Sergiy Radonezhskiy stal geroem Kulikovskoy bitvy [How Sergius of Radonezh Became a Hero of the Battle of Kulikovo Field]. *Rodina* [Homeland]. 2014, no. 5, pp. 11–15. (In Russian)
16. Danilov V.V. "Slovo o pogibeli Ruskyya zemli" kak proizvedenie khudozhestvennoe [The "Word of the Destruction of the Russian Land" as a Work of Art]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Works of Department of Old Russian Literature]. Moscow, St.Petersburg, USSR Academy of Sciences Publ., 1960. Vol. 16. pp. 132–142. (In Russian)
17. Dvornichenko A.Yu., Krivosheev Yu.V., Sokolov R.A., Shaposhnik V.V. *Russkoe pravoslavie: ot kreshcheniya do patriarshestva* [Russian Orthodoxy: From Baptism to the Patriarchate]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2012. 412 p. (In Russian)
18. Dmitriev L.A. Slovo o pogibeli Ruskoj zemli [The Word of the Destruction of the Russian Land]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 1 (XI – pervaya polovina XIV v.)* [Vocabulary of Scribes and Literary Culture of Ancient Rus'. Iss. 1 (11th – first half of the 14th centuries)]. St.Petersburg, Akademiya nauk SSSR Publ., 1987, Iss. 1, pp. 432–434. (In Russian)

19. Dmitriev Ya.A. *Zhitiynye povesti russkogo Severa kak pamyatnik literatury XIII–XVII vv.* [Hagiographical Tales of the Russian North as a Monument of Literature of the 13th–17th centuries.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1973. 304 p. (In Russian)
20. Dobroklonskiy A.S. *Rukovodstvo po Istorii Russkoy Tserkvi* [Guide for the Russian Church History]. Moscow, Graal Publ., 2001. 936 p. (In Russian)
21. Eremin I.P. «Slovo o pogibeli Russkoy zemli» [“The Word of the Destruction of the Russian Land”]. *Khudozhestvennaya proza Kievskoy Rusi XI–XIII vekov* [Narrative Prose of Kievan Rus’ of the 11th–13th centuries]. Moscow, State publishing fiction literature, 1957, pp. 351–354. (In Russian)
22. Znamenskiy S.V. *Istoriya russkoy tserkvi (uch. ruk-vo)* [History of the Russian Church (study guide)]. Moscow, Graal Publ., 2000. 462 p. (In Russian)
23. *Istoriya ierarkhii russkoy pravoslavnoy tserkvi* [History of the Russian Orthodox Church Hierarchy]. Moscow, E. Gubonin, research gr. of F.A. Gayd. Moscow, St. Tikhon Orthodox State University Publ., 2006. 926 p. (In Russian)
24. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva rossiyskogo* [History of the Russian State]. Moscow, Nauka Publ., 1991. Vol. 3. 828 p. (In Russian)
25. Kartashev A.V. *Sobranie sochineniy: v 2 t. T. 1: Ocherki po istorii russkoy tserkvi* [Collected Works: In 2 vols. Vol. 1: Essays on the History of the Russian Church]. Moscow, TERRA Publ., 1992. 686 p. (In Russian)
26. Kloss B.M. V.N. Tatishchev i nachalo izucheniya russkikh letopisey [V.N. Tatischev and Commencement of Examination of Russian Chronicles]. *Letopisi i khroniki: 1980 g.* [Annals and Chronicles: 1980]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 5–13. (In Russian)
27. Klyuchevskiy. V.O. *Drevnerusskie zhitiya kak istoricheskiy istochnik* [Ancient Russian Hagiographies as a Historical Source]. Moscow, Tipografiya Gracheva and comp., 1871. 479 p. (In Russian)
28. Komarovich V.L. *Literatura Ryazanskogo knyazhestva XIII–XIV vv.* [Ryazan Principality’s Literature of the 13th–14th centuries]. *Istoriya russkoy literatury. Literatura 1220-kh – 1580-kh gg.* [History of the Russian Literature. Literature of the 1220’s –1580’s]. Moscow, St. Petersburg, 1945, Vol. 2, part 1, pp. 75–77. (In Russian)
29. Kommentarii [Commentaries]. *Pamyatniki obshchestvennoy mysli Drevney Rusi* [Monuments of Social Thought of Ancient Rus’]. Sost., avtor vstup. st. i komment. I.N. Danilevskiy. Moscow, ROSSPEN, 2010, Vol. 2, pp. 343–651. (In Russian)
30. Kratkoe upominanie bitvy na Kalke vo «Vtorom prodolzhenii (annalov Mel’ka) Klosternoyburga» [A Brief Mention of the Battle of Kalka in Continuatio Claustruburgensis secunda]. Hautala R. *Ot «Davida, tsarya Indiy» do «nenavistnogo plebsa Satany» Anatologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From “David, King of the Indies” to “Detestable Plebs of Satan”: An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2015, pp. 133–134. (In Russian)
31. Krivosheev Yu.V. *Russkaya srednevekovaya gosudarstvennost’* [Russian Medieval Statehood]. St.Petersburg, St.Petersburg State University Publ., 2008. 131 p. (In Russian)
32. Kuchkin V.A. *Mongolo-tatarskoe igo v osveshchenii drevnerusskikh knizhnikov (XIII – pervaya chetvert’ XIV v.)* [The Mongol-Tatar Yoke Highlighted by the Scribes of Ancient Rus’]. *Russkaya kul’tura v usloviyakh inozemnykh nashestviy i voyn. Sbornik nauchnykh trudov.* [Russian Culture in Conditions of Foreign Invasions. Collection of Research Papers]. Moscow, 1990, part 1, pp. 15–69. (In Russian)
33. Lazarev V.N. *Russkaya ikonopis’ ot istokov do nachala XVI veka* [Russian Iconography from the Origin till the beginning of the 16th century]. Moscow, Iskusstvo, 2000. 152 p. (In Russian)
34. Likhachev D.S. *Russkie letopisi i ikh kul’turno-istoricheskoe znachenie* [Russian Chronicles and Their Cultural and Historical Meaning]. Moscow, St. Petersburg, Akademiya nauk SSSR Publ., 1947. 499 p. (In Russian)

35. Likhachev D.S. Slovo o pogibeli russkoy zemli i «shestodnev» Ioanna Ekzarkha Bolgarskogo [The Word of the Destruction of the Russian Land and “Shestodnev” by Exarch Ioann the Bulgarian]. *Russko-evropeyskie literaturnye svyazi* [Literature Connections between Russia and Europe]. Moscow, St.Petersburg, Nauka Publ., 1966. pp. 92–96. (In Russian)
36. Likhachev D.S. Vstupitel'naya stat'ya [An Introductory Article]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi: XIII vek* [Monuments of the Ancient Rus' Literature: 13th century]. Moscow, Fiction Lit., 1981, pp. 9–14. (In Russian)
37. Likhachev D.S. *Velikoe nasledie. Klassicheskie proizvedeniya literatury Drevney Rusi* [Great Legacy. Classic Works of the Ancient Rus' Literature]. St.Petersburg, 1987. Vol. 2. 342 p. (In Russian)
38. Likhachev D.S. K istorii slozheniya «Povesti o razorenii Ryazani Batyem» [To the History of Compilation of the “Tale of the Destruction of Ryazan Land by Batu”]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1962 god: (k 70-letiyu akad. M.N. Tikhomirova)* [Archaeological Annual for 1962: To 70th anniversary of academician M.N. Tikhomirov]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1963, pp. 48–51. (In Russian)
39. Likhachev D.S. Letopisnye izvestiya ob Aleksandre Popoviche [Chronicle Records of Aleksandr Popovich]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Works of Department of Old Russian Literature]. Moscow, St.Petersburg, Akademiya nauk SSSR Publ., 1949, Vol. 7, pp. 17–51. (In Russian)
40. Likhachev D.S. Literatura Novgoroda XIV–XV vv. [Novgorod's Literature of the 14th–15th centuries]. *Istoriya russkoy literatury. Literatura 1220-kh – 1580-kh gg* [History of the Russian Literature. Literature of the 1220's – 1580's]. Moscow, St.Petersburg, 1945, Vol. 2, part 1, pp. 263–264. (In Russian)
41. Likhachev D.S. Povesti o Nikole Zarazskom [Tales about Nikola Zarazsky]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Works of Department of Old Russian literature]. St. Petersburg, Nauka publ., 1949, vol. 7, pp. 257–406. (In Russian)
42. Lur'e Ya.S. Lavrent'evskaya letopis' – svod nachala XV veka [Laurentian Chronicle – Svod of the beginning of the 15th century]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Works of Department of Old Russian literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1974, vol. 29, pp. 50–67. (In Russian)
43. Lur'e Ya.S. *Obshcherusskie letopisi XIV–XV vv* [All-Russian Chronicles of the 14th–15th centuries]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1976. 285 p. (In Russian)
44. Makariy (Bulgakov), mitr. *Istoriya Russkoy Tserkvi: istoriya Russkoy Tserkvi v period sovershennoy zavisimosti ee ot konstantinopol'skogo patriarkha (988–1240). Kn. 2.* [History of the Russian Church: History of the Russian Church during Its Complete Dependence on the Patriarch of Constantinople (988–1240). Book 2] Moscow, Publishing house of the Holy-Transfiguration Valaam Monastery Publ., 1995. 704 p. (In Russian)
45. Makariy (Bulgakov), mitr. *Istoriya Russkoy Tserkvi: Istoriya Russkoy Tserkvi v period postepennoy perekhoda ee k samostoyatel'nosti (1240–1589). Kn. 3.* [History of the Russian Church: History of the Russian Church during Its Gradual Transition to Independence (1240–1589). Book 3] Moscow, Publishing house of the Holy-Transfiguration Valaam Monastery Publ., 1996. 704 p. (In Russian)
46. Malitskiy P.I. *Rukovodstvo po istorii russkoy tserkvi* [Guide for the Russian Church History]. Ed. 4. Moscow, Graal Publ., 2010. 464 p. (In Russian)
47. Meshcherskiy N.A. K rekonstruktsii teksta "Slova o pogibeli Ruskiya zemli" [To Reconstruction of the Text of the “Word on the Destruction of the Russian Land”]. *Vestnik LGU. № 14. Seriya istorii, yazyka i literatury* [Bulletin of Leningrad State University. No. 14. Series of History, Language and Literature], 1963, Is. 3, pp. 44–53. (In Russian)
48. Mininkova L.V. Dar v traditsii domongol'skoy Rusi: kul'turno-simvolicheskoe napolnenie i politicheskoe soderzhanie [Gift in the Tradition of pre-Mongol Rus': Cultural and Symbolic Content and Political Meaning]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Ancient Rus': In Time, in Persons, in Ideas]. Pod red. d.i.n. P.I. Gaydenko. St. Petersburg, K. Kostromin, vol. 4, pp. 18–30. (In Russian)

49. Mirgaleev I.M. Pravlennie Toktamysh-khana [The Reign of Khan Toqtamish]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen. V semi tomakh. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* [History of Tatar from Ancient Times. In Seven Volumes. Vol. 3: Juchid Ulus (Golden Horde). 13th – mid-15th centuries]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 706–712. (In Russian)
50. Musin A.E. *Milites Christi Drevney Rusi* [Milites Christi of Ancient Rus]. *Voinskaya kul'tura russkogo srednevekov'ya v kontekste religioznogo mentaliteta* [War culture of Russian medievalin correlation with religious mentality]. St. Petersburg, St. Petersburg's orientalism Publ., 2005. 368 p. (In Russian)
51. Pashuto V.T. *Geroicheskaya bor'ba russkogo naroda za nezavisimost'* (XIII v.) [Heroic Battle of Russian People for Independence]. Moscow, State Publishing House political literature Publ., 1956. 280 p. (In Russian)
52. Pashuto V.T. Mongol'skiy pokhod v glub' Evropy [The Mongol Invasion deep into Europe]. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* [The Tatar-Mongols in Asia and Europe]. Moscow, 1977. pp. 210–227 (In Russian)
53. Pashuto V.T. *Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi* [Historical Sketches about Galicia-Volhynian Rus']. Moscow, St. Petersburg, Institute of history Publ., 1950. 333 p. (In Russian)
54. *Pis'mo gruzinskogo amirspasalara Ivane pape Gonoriyu III* [A Letter of Georgian amirspasalar Ivane to Pope Honorius III]. Hautala Roman. *Ot «Davida, tsarya Indiy» do «nenavistnogo plebsa Satany»*. *Anatologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From “David, King of the Indies” to “Detestable Plebs of Satan”: An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015, pp. 127–129 (In Russian)
55. *Pis'mo gruzinskoy korolevy Rusudan pape Gonoriyu III* [A Letter of Georgian Queen Rusudan to Pope Honorius III]. Hautala Roman. *Ot «Davida, tsarya Indiy» do «nenavistnogo plebsa Satany»*. *Anatologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From “David, King of the Indies” to “Detestable Plebs of Satan”: An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015, pp. 124–126. (In Russian)
56. *Povest' o razorenii Ryazani Batyem* [Tale on the Destruction of Ryazan Land by Batu]. *Pamyatniki obshchestvennoy mysli Drevney Rusi* [Monuments of Social Thought of Ancient Rus']. Sost., avtor vstup. st. i komment. I. N. Danilevskiy. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, Vol. 2, pp. 51–60. (In Russian)
57. *Polnoe sobranie russkikh letopisey: Lavrent'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 1: Laurentian Chronicle]. Moscow, Russian culture languages, 2001. 496 p. (In Russian)
58. *Polnoe sobranie russkikh letopisey: Ipat'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2: Hypathian Chronicle]. Moscow, Russian culture languages, 2001. 648 p. (In Russian)
59. *Polnoe sobranie russkikh letopisey: Novgorodskaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 3: Novgorod Chronicle of Elder and Younger Recensions]. Moscow, Russian culture languages, 2001. 720 p. (In Russian)
60. Porfiridov N.G. *Drevniy Novgorod. Ocherki iz istorii russkoy kul'tury XI–XV vv.* [Ancient Novgorod. Essays on the History of Russian Culture of the 11th–15th centuries]. Moscow, St. Petersburg, Akademiya nauk SSSR Publ., 1947. 307 p. (In Russian)
61. *Pravila Pravoslavnoy tserkvi s tolkovaniyami Nikodima, episkopa Dalmatinsko-istriyskago*. Vol. 2 [Rules of Orthodox Church in Interpretation of Nikodim, Bishop of Dalmatia and Istria.]. St. Petersburg, Tipografiya of M. Merkushev, 1912. 639 p. (In Russian)
62. Rudakov V.N. *Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII–XV vv* [The Mongol-Tatars through the Eyes of Old Russian Scribes of the 13th–15th centuries]. Moscow, Kvadriga, 2009. 248 p. (In Russian)

63. Sverdlov M.B. К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке» [To the Question of Chronicle Sources of the “Tale about the Battle of Kalka”]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2. Is. 1 [Bulletin of Leningrad State University. Series of History, Language and Literature]. St. Petersburg, 1963, pp. 139–144. (In Russian)

64. *Svyatye russkie rimlyane: Antoniy Rimlyanin i Merkuriy Smolenskiy* [Saint Russian Romans: Antony the Roman and Mercury of Smolensk]. Podgot. tekstov i issl. N.V. Ramazanovoy. St.Petersburg, «Dmitriy Bulanin», 2005. 392 p. (In Russian)

65. Slovo o pogibeli Russkoy zemli [Tale about the Destruction of the Russian Land]. *Pamyatniki obshchestvennoy mysli Drevney Rusi* [Monuments of Social Thought of Ancient Rus’]. Sost., avtor vstup. st. i komment. I. N. Danilevskiy. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, vol. 2, p. 27. (In Russian)

66. Solov'ev A. V. Zаметки к "Слову о погибели Рускыя земли" [Notes to the “Tale about the Destruction of the Russian Land”]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Works of Department of Old Russian literature]. Moscow, St.Petersburg, Akademiya nauk SSSR Publ., 1958. Vol. 15. 523 p. (In Russian)

67. Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. L–S* [Materials for Vocabulary of Ancient Russian Language according to Written Monuments. L–S]. St. Petersburg, Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1902. Vol. 2. 919 p. (In Russian)

68. Tishchev V.N. *Istoriya rossiyskaya* [Russian History]. Moscow, St.Petersburg, Nauka Publ., 1964. Vol. 3. 340 p. (In Russian)

69. Tikhomirov M.N. Gde i kogda bylo napisano "Slovo o pogibeli Russkoy zemli" [Where and When the “Tale of the Destruction of the Russian Land” Was Written]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Works of Department of Old Russian literature], Moscow, St.Petersburg, Akademiya nauk SSSR Publ., 1951. Vol. 8. pp. 235–244. (In Russian)

70. Tolstoy M.V. *Rasskazy iz istorii russkoy tserkvi* [Stories from the History of Russian Church]. Moscow, Spaso-Preobrazhenskiy Valaamsky monastery Publ., 1991. 726 p. (In Russian)

71. *Traktat Tsezariya iz Geysterbakha «Dialog o chudesakh»* [Caesarius of Heisterbach’s Treatise “Dialogus miracolorum”]. Hautala R. *Ot «Davida, tsarya Indiy» do «nenavistnogo plebsa Satany»*. *Anatologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From “David, King of the Indies” to “Detestable Plebs of Satan”: An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2015, pp. 134–135. (In Russian)

72. Filaret (Gumilevskiy), archbis. *Istoriya Russkoy Tserkvi. Period 2. Mongol'skiy. Ot opustosheniya Rossii mongolami do razdeleniya mitropolii (1236–1410) 5-oe izd.* [History of the Russian Church. Period 2. The Mongol Period. From Devastation of Russia by the Mongols till Separation of Metropolia (1236–1410). 5th edition]. Moscow, Tipografiya Volchaninova, 1888. 840 p. (In Russian)

73. Filaret (Gumilevskiy), archbis. *Russkie svyatye, chtimye vseyu tserkov'yu ili mestno* [Russian Saints, Worshipped by Overall Church or Locally]. St. Petersburg, Russkaya simfoniya Publ., 2008. 760 p. (In Russian)

74. Florya B.N. *Obshchestvennaya mysl' v Rossii i drugikh slavyanskikh stranakh v epokhu razvitogo srednevekov'ya* [Social Thought in Russia and Other Slavic Countries in the Late Middle Ages]. Moscow, Indrik Publ., 2014. 432 p. (In Russian)

75. Thomas the Archdeacon. *Istoriya arkhiepiskopov Salony i Splita* [History of the Bishops of Salona and Split]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 320 p. (In Russian)

76. *Fragment iz «Khroniki» notariusa Rikkardo iz San Dzhermano* [Fragment from “Chronicle” by notary Riccardo of San Germano]. Hautala Roman. *Ot «Davida, tsarya Indiy» do «nenavistnogo plebsa Satany»*. *Anatologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From “David, King of the Indies” to “Detestable Plebs of Satan”: An Anthology

gy of Early Latin Information about the Tatar-Mongols]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2015, pp. 131–133. (In Russian)

77. Khara-Davan E. *Chingis khan: esse* [Chinggis Khan: An Essay]. Comp. M. Galeev. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2008. 351 p. (In Russian)

78. Hautala R. *Ot «Davida, tsarya Indiy» do «nenavistnogo plebsa Satany»*. Antologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh [From “David, King of the Indies” to “Detestable Plebs of Satan”: An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015. 496 p. (In Russian)

79. Khrushchov I.P. *O drevnerusskikh istoricheskikh povestyakh i skazaniyakh XI–XII stoletiya* [About Old Russian Historical Narratives and Tales of the 11th–12th centuries]. Kyiv, University typografiya, 1878. 225 p. (In Russian)

80. Shakhmatov A.A. *Obozrenie russkikh letopisnykh svodov XIV–XVI vv* [Review of Russian Chronicle Svods of the 14th–16th centuries]. Moscow, St. Petersburg, Akademiya nauk SSSR Publ., 1938. 374 p. (In Russian)

81. Shchapov Ya.N. *Gosudarstvo i Tserkov' Drevney Rusi X–XIII vv* [State and Church of Ancient Rus' of the 10th–13th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 233 p. (In Russian)

82. Shcherbatov M.M. *Istoriya rossiyskaya ot drevneyshikh vremen* [History of Russia from Ancient Times]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1771. Vol. 2. 668 p. (In Russian)

83. Yablonskiy V. *Pakhomiy Serb i ego agiograficheskie pisaniya* [Pakhomiy the Serb and His Hagiographic Writings]. St. Petersburg, Synodal typografiya 1908. 442 p. (In Russian)

84. Viekoslav Klaić. *Poviesti Hrvata* [Hrvat's Stories]. Zagreb, Lav. Hartmana Publ., 1899. 318 p.

About the author: Teymur R. Galimov – Postgraduate student, Kazan State University of Architecture and Engineering (1, Zelenaya Str., Kazan 420043, Russian Federation). E-mail: galimov_t_r@mail.ru

Received January 11, 2017

Accepted for publication March 05, 2017